

СИГИЗМУНД ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ И ПРОКОП ВЕЛИКИЙ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА В БРАТИСЛАВЕ*

Анализируется дипломатическая и политическая предыстория, а также значение встречи в Братиславе 4 апреля 1429 г. между лидерами гуситского движения и королем Римским и Венгерским Сигизмундом Люксембургским. Встреча имела колоссальное значение, поскольку стала днем исторического поворота в отношениях католического и гуситского мира. Результаты встречи способствовали тому, что спустя семь лет был достигнут компромисс и заключен мир между гуситской Чехией, императором и церковью.

The article deals with the intricate diplomatic and political context and importance of the meeting in Bratislava on April 4, 1429, between leaders of the Czech Hussite movement and Roman and Hungarian King Sigismund Luxembourg. This meeting became a crucial event in the relations between Catholic and Hussite worlds. Results of this meeting made possible a mutual compromise reached seven years later and peace agreement signed between Hussite Bohemia, the Emperor and Catholic Church.

Ключевые слова: гуситское движение; реформация; Пражские компактаты.

Keywords: Czech hussite movement; reformation.

Чешская реформация и ее ключевой феномен — гуситская революция — выросли из затяжного кризиса позднесредневековой Европы XIV—XV вв., вызванного комплексом экономических, социальных, политических, культурно-исторических факторов и ярко проявившегося в упадке церковной организации западного христианства и в стремлении ее реформировать на базе евангельских принципов.

Основной идейно-теоретический арсенал чешской реформации сложился в первом двадцатилетии XV в. и выразился в учениях университетских магистров Яна Гуса и Якоубека из Стржибра, опиравшихся как на европейскую (Джон Виклиф), так и на отечественную традицию (Ян Милич, Матей из Янова). Его несущей конструкцией стала теория церкви. К тому времени экклесиология еще не была разработана в виде цельной теологической доктрины, догмат о церкви заменяла церковная практика, отраженная в каноническом праве. Взгляды Виклифа и Гуса послужили одним из главных импульсов к очередной волне теологической дискуссии, когда предметом анализа стала сущность церкви и ее главные качественные характеристики: единство, святость, универсальность, апостоличность. В итоге возникли диаметрально различные типы теологии, которые могли существовать только в отдельных церковных организациях.

Теологическая модель церкви у Гуса сложно структурирована и схематически выглядит следующим образом. Истинная церковь есть «невидимое», мистическое «тело Христово», которое образуют исключительно избранные Божьи, предопределенные к спасению. Их посредством обеспечивается универсальность и единство церкви как в пространстве (во всем христианском мире), так и во времени (от Сотворения до конца света). Она проявляет себя в рамках традиционной трехчленной структуры: церковь воинствующая (предопределенные, живущие на земле и находящиеся на пути к вечному спасению), страждущая

* Подготовлено при поддержке Посольства Словацкой Республики в Республике Беларусь.

(предопределенные в чистилище), торжествующая церковь «святых», достигших вечного блаженства. Экклезиологии Гуса присущ выраженный христоцентризм. Главой церкви является исключительно Христос, с которым спасенные образуют единое тело и который является единственным посредником между человеком и Богом. Божественное предопределение (предназначение) имеет как позитивный, так и негативный модус: наряду с предопределенными есть люди проклятые, отвергнутые Богом, которые не принадлежат к истинной церкви и не достигают спасения, — мистическая церковь «злых», «синагога Антихриста».

Существенным противоречием теории предназначения является сосуществование «истинных христиан» и «отвергнутых» в земной, «мнимой» церкви, а также проблема критериев принадлежности к истинной церкви. Ключом к пониманию учения Гуса в этом смысле служит категория «закона Божьего», воплощенного в Священном Писании. Закон Божий — неизменная основа истинной церкви, универсальная норма жизни церкви воинствующей, инструмент спасения индивидуума. Соблюдение *Lex Dei* является знаком-условием принадлежности к истинной церкви. С этим связано и гуситское понимание веры, источником которой является Священное Писание. Евангелизм Гуса не абсолютен, он признает часть церковной традиции, но лишь в том случае, если она согласуется с главным принципом. Вера, понимаемая как единство разума, воли и действия, служит условием спасения.

В экклезиологии Яна Гуса практически нет места для институциональной иерархической церкви. Римская церковь (папа и иерархия) не удовлетворяет критериям единства, универсальности, святости и апостоличности. Она — лишь часть церкви, причем только потенциально. Об институте папства ничего не говорится в Писании, следовательно, он не имеет Божественного происхождения. Гус не признает за папой «власти ключей», принадлежащей только Богу, и настаивает на отказе духовенства от светских функций, акцентирует раннехристианскую практику выборности священников, признавая за ними право свободной проповеди без предварительного разрешения епископа. Однако различия между клиром и миром не снимаются полностью: Гус признает принцип апостольского преемства и святость священнической должности, которая при этом зависит от морального уровня ее носителя.

Ключевое значение в экклезиологии Гуса имеет теория власти и послушания, которая признает за последователями «Божьего закона» право на неповиновение и сопротивление церковным и светским властям, действующим в противоречии с евангельской нормой.

Учение об истинности «духовной» церкви и ее проекция на церковь земную позволили Гусу теоретически подорвать основы папского централизма, не только отвергнуть претензии иерархии на «спасительные» функции, но и отказать ей в праве называться церковью вообще. Теория Гуса открывает возможность радикальной реформы институциональной церкви по евангельскому образцу. Неслучайно именно в экклезиологии ортодоксальный католицизм усматривал и усматривает главное «еретическое» ядро учения Яна Гуса.

Второй «сооснователь» гусизма — магистр Якоубек из Стржибра выдвигает на первый план идеал «ранней церкви», который поставлен в контекст широкой эсхатологически понимаемой исторической перспективы от воплощения Христа до его второго пришествия. Гуситский принцип «закона Божьего» тесно связан с идеей Антихриста и надвигающегося «конца времен». Модель «закона Христова» противопоставляется современности. Все, что выходит за его рамки, несет на себе печать Антихриста и должно быть бескомпромиссно отвергнуто. Антихрист для него — скорее обобщающее понятие, «универсалия», обозначающая предельный уровень кризиса церкви и общества, а также всех, кто, прикрываясь именем христианина, живет в противоречии с законом Христовым (в первую очередь — институт папства и иерархия клира). Антитеза ранней и современной церкви служит Якоубеку для аргументации принципа евангельской бедности как основного требования, предъявляемого к духовенству. Церковную собственность государство должно обратить на общую пользу, обеспечив священникам необходимое скромное содержание.

Наиболее яркое выражение раннехристианский идеал получил в учении Якоубека об одном из важнейших христианских таинств — евхаристии, в котором он обосновал и отстоял центральный идеологический принцип и символ чешской реформации — идею «мирской чаши», причащения мирян под обоими видами. В христианском мышлении евхаристия тесно связана с еkkлезиологией, главный смысл таинства — в соединении верующих с Христом и объединении их между собой. В гуситском христоцентрическом понимании церкви «таинство алтаря» — важнейший признак принадлежности к истинной духовной «церкви святых» и отделения от лжецеркви Антихриста. Регулярное причащение «телом и кровью Христовой» является необходимым условием спасения. Духовенство, узурпировав право «полного» причащения, лишило мирян самого смысла их земного существования. Принцип «мирской чаши» имеет открыто антииерархическую и антиавторитарную направленность, поскольку в нем ясно выражена идея равенства всех христиан перед Богом. Его реализация означала существенный шаг на пути стирания различий между духовенством и мирянами. Эта идея вообще ставила под сомнение вероучительный авторитет римской церкви, поскольку отказывала ей в праве изменять норму Священного Писания. По сути дела борьба за «чашу» была осуществленным на практике выражением антикатолического понимания церкви [1].

Гуситское понимание реформы, оформившись в стенах Пражского университета, за сравнительно короткий период получило мощный отклик во всех слоях чешского общества, которое раскололось по всей шкале социальной структуры на два блока: гуситов и католиков, причем поляризация произошла не между отдельными сословиями, социальными слоями и группами, а внутри них. Летом 1419 г. реформационное движение переросло в революцию. Хотя гуситская революция изначально представляла собой феномен социально разнородный и внутренне сложно структурированный, тем не менее на Чаславском сейме 1421 г. произошло объединение всех гуситских сил на базе общей программы «Четырех пражских статей», которая постулировала «Божий закон» не только в качестве высшей религиозной, но и светской нормы в сфере государства, права, политики, культуры и морали, обязательной для всех без различия пола, происхождения, сословия и имущественного положения. Требования программы предусматривали свободную проповедь слова Божьего, причащение мирян под обоими видами как необходимое условие спасения души, секуляризацию церковного имущества и ликвидацию светской власти духовенства, а также бескомпромиссное искоренение всех «смертных грехов», т. е. отступлений от евангельских принципов в гуситском понимании «Божьего закона».

Эту программу гуситы намеревались реализовать не только на территории Чешского королевства, но и во всем христианском мире. Идеи чешской реформации изначально имели наднациональный, универсалистский характер, что не исключало, однако, и выраженного чешского мессианизма, убеждения чехов том, что именно они являются тем избранным народом, которому Бог открыл истинные правила христианской жизни.

Хотя Четыре пражские статьи в обобщенном виде отражали основные принципы чешской реформации, но их интерпретации внутри гуситского лагеря существенно варьировались, так как гуситы в ходе революции разделились на несколько конфессионально-политических направлений, которые при необходимости сотрудничали, но одновременно боролись за гегемонию: радикальные гуситские «конфедерации» таборитов на юге и сирот на востоке страны, более умеренный пражский союз и некоторые другие менее влиятельные группы.

Гуситы были убеждены в самоочевидности «спасительных истин» Четырех пражских статей и уделяли большое внимание пропаганде своих идей, неустанно добивались организации авторитетной публичной дискуссии, в которой они намеревались доказать свою правоту всему христианскому миру. Но в условиях враждебного окружения и непримиримого отношения католической церкви к «чешским еретикам» стало очевидным, что судьба революции неизбежно будет решаться на поле боя.

В 1420—1427 гг. объединенные гуситские силы успешно отразили внешнюю интервенцию и обеспечили распространение гуситской программы на большей части королевства, принудив чешских католиков к затяжной и глубокой обороне, хотя им и удалось удержать компактные территории на западе страны и в южной Чехии. Стратегия насильственной реализации общеобязательного вероучительного кодекса продемонстрировала свою эффективность, и приверженцы «закона Божьего» превратились в «божьих воинов», без колебаний проливавших свою и чужую кровь за открывшуюся им истину.

Гуситы переходят в наступление и переносят боевые действия за пределы чешского королевства. В 1428—1433 гг. походы в Силезию, Польшу, на территорию империи и словацкие земли Венгерского королевства приобрели регулярный характер. Цели продуманной и систематической стратегии зарубежных рейдов, творцом которой, вероятно, был вождь таборитского полевого братства Прокоп Великий, не были однозначными. Это были превентивные военные операции с целью предотвратить вторжения иностранных армий в Чехию и создать опорные пункты на территории противника. Нельзя сбрасывать со счетов идеологические и пропагандистские мотивы: распространение гуситского учения, стремление силой принудить католическую церковь к переговорам и к публичному обсуждению «евангельских правд». Однако основная причина перехода к наступательной стратегии крылась в общем военно-политическом и экономическом положении страны, главной проблемой которой стало содержание профессиональных полевых войск, дружин гуситских феодалов, а также воинских формирований отдельных городов. Гуситские союзы просто не располагали такими средствами, позднесредневековая экономика не давала возможности содержать тысячи людей, для которых война стала постоянной или долговременной профессией, постепенно отодвигая на второй план борьбу за евангельские идеалы. Заграничные походы должны были обеспечить как содержание армии за счет противника, так и прорыв экономической блокады¹.

Как ни парадоксально, но успех массивной гуситской внешней экспансии медленно, с рецидивами, но все же подводил противоборствующие стороны к поиску компромисса в патовой ситуации, когда постепенно становилось очевидным, что ни католическая Европа, ни гуситская Чехия не в состоянии добиться победы вооруженным путем.

Переломным в этом смысле стал 1428 г., когда стало ясно, что решение «чешского вопроса» нельзя откладывать до бесконечности. После первых экспедиций в Австрию соединенные гуситские войска Прокопа Голого по склонам Малых Карпат вторглись на словацкие территории Венгерского королевства и в середине февраля сожгли предместья Братиславы. Длительная осада хорошо укрепленного города и замка не входила в планы гуситского командования, и войско, опустошив окрестности, двинулось в Силезию. Однако уже через год

¹ Предшествующее изложение основано как на собственных изысканиях автора, так и на новейших обобщающих работах зарубежных и российских исследователей. Укажем лишь некоторые из них: *Лантева Л. П.* Гуситское движение в Чехии XV в. М., 1990; *Рандин А. В.* Гуситская революция и Пражский университет. Йошкар-Ола, 1994; Чешская и немецкая реформация (некоторые аспекты взаимодействия) // *Славяно-германские исследования* : в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 130—166; Заключительный аккорд гуситской революции. Кутногорский религиозный мир 1485 г. // *Историки-слависты МГУ*. М., 2011. Кн. 8 : Славянский мир в поисках идентичности. С. 1102—1109; Гуситская Чехия и Священная римская империя // *Полвека в славяноведении* : сб. науч. тр., посвящ. юбилею заслуженного профессора МГУ Л. П. Лаптевой. М., 2012. С. 56—67; *Knieža Fridrich Ostrožský*. Ruský kondotier v husitských Čechách a na Slovensku // *Husitský Tábor. Sborník Husitského Musea*. 15. Tábor 2005. S. 231—255; *František Šmahel*. Husitská revoluce I—IV. Praha, 1993; *Dějiny Tábora 2*. České Budějovice, 1990; *Husitské Čechy. Struktury, procesy, ideje*. Praha, 2001; *Jan Hus. Život a dílo*. Praha, 2013; *Petr Čorněj*. Velké dějiny země Koruny české V. 1402—1437. Praha—Litomyšl, 2008; *Světla a stíny husitství (události-osobnosti-texty-tradice)*. Praha, 2011; *Jiří Jurok*. Příčiny, struktury a osobnosti husitské revoluce, České Budějovice, 2006; *Jiří Kejř*. Jan Hus známý i neznámý, Praha, 2009; *Ferdinand Seibt*. Husiten studien. Personen, Ereignisse, Ideeneinerfrühen Revolution. München, 1987.

гуситы все же оказались в городе на Дунае, в то время главной резиденции римского и венгерского короля Сигизмунда Люксембургского, причем не как интервенты, а в роли официального посольства чешского сейма. К исторической встрече высшего светского властителя западного христианства и гуситской делегации привела логика девятилетнего вооруженного противостояния революционной Чехии и католической Европы.

На первом этапе революции для всех гуситских направлений было характерно резко отрицательное отношение к королю Сигизмунду. Так, магистр Якоубек из Стржибра, наиболее авторитетный идеолог чешской реформации после смерти Яна Гуса, трактуя апокалиптический образ семиглавой шельмы, неоднократно говорил о том, что этим посланцем дьявола является Сигизмунд: «Ныне, без сомнения, король венгерский с теми, кто его поддерживает, есть шельма великая, против истины восстающая <....> и против верных вопиющая» [2, с. 498—503]. Еще более резкие характеристики законного наследника чешского престола содержатся в известном «Порицании короны Чешской короля венгерского»: «Аспид глухой, заткнувший уши свои и не слышащий укоряющих тебя», «осел, взявшийся за лютию», «спящий пьяница, не чувствующий ни тычков, ни ударов» [3, с. 32] «Жалоба короны Чешской к Богу на короля Сигизмунда и собор констанский» видит в нем «...не наследника, но убийцу, не супруга, а неприятеля... не защитника, а погубителя». Это не человек, но «...тот дракон ужасный... красный, семиглавый... кровью невинных окровавленный», который «...Закона Твоего верных ревнителей люто притесняет...» [4, с. 24, 25]. Особенно показательно, что гуситские политики предприняли активные попытки решить проблему восстановления королевской власти в Чехии в обход Сигизмунда. Речь идет о проекте возведения на чешский престол представителя польской или литовской династии. Новый государь, приняв на себя обязательство соблюдать Четыре пражские статьи, легитимизировал бы таким образом гуситскую программу. Одновременно Чехия выходила из международной изоляции или, по крайней мере, обеспечивала дружественный нейтралитет ближайшего соседа.

В конечном итоге все усилия чешской дипломатии найти нового государя в Польше или Литве себя не оправдали. Неофициальный посланец Владислава Ягелло и Витовта литовский князь Зигмунд Корибут, принятый в Праге в качестве «правителя», оказался втянутым в антигуситский заговор и был изгнан в результате переворота 1427 г. [5, с. 63—68, 86]. Падение Корибута надолго похоронило надежду на утверждение на чешском престоле «гуситского короля». Это предопределило и характер решения государственно-правовой проблемы в гуситской Чехии. Если учесть, что таборитские республиканские тенденции не получили перевеса над монархическими представлениями большинства населения, то становится ясно, что с ликвидацией режима Корибута в итоге всех возможных комбинаций стояла только одна фигура — Сигизмунд Люксембургский. Попытки восстановления в Чехии центральной власти могли отодвигаться во времени, но альтернативного решения уже не существовало.

Коронованный, но непризнанный чешский король, вероятно, уже после неудачи второго крестового похода против гуситской Чехии и своего бегства из страны в 1422 г. пришел к убеждению, что война не приведет к разрешению его конфликта с гуситами. Но вера в военный успех пока не покидала папскую курию. Поэтому Сигизмунд, подозреваемый папой и имперскими князьями в тайных симпатиях к гуситам, вынужден был маскировать свои сомнения воинственной риторикой, что сковывало его в установлении политических контактов. Глубинной причиной напряженных отношений между королем и папой было близящееся открытие очередного Вселенского церковного собора в Базеле. Папа Мартин V видел в нем покушение на куриальную монополию и всеми силами откладывал созыв церковного форума, а Сигизмунд выступал в качестве главного протектора соборного движения, рассчитывая использовать его для реализации своих политических планов. Программой будущего собора должна была стать реформа церкви. Ее главными пунктами были изменение структуры кардинальской коллегии, которая должна была формироваться из представителей

всех стран христианского Запада, ограничение финансовых претензий папской курии и полномочий римского судебного двора. Восстановление единства христианства, объединение католической и православной церквей Сигизмунд также считал необходимым условием победоносного похода против османской державы. В этом контексте становилась понятной важность урегулирования отношений с гуситами, которых уже нельзя было воспринимать как обычную еретическую секту, поскольку появилась реальная угроза возникновения еще одной схизматической церкви. Кто будет решать все эти жгучие вопросы — курия или собор? Во втором случае перед Сигизмундом открывались невиданные возможности, и папа это прекрасно понимал. При этом у него на руках были две «kozyрные карты» против Люксембурга: собор не мог начаться без папского согласия, и императорскую корону Сигизмунд мог получить только из рук римского первосвященника.

Блестящее дипломатическое мастерство сына императора Карла IV помогло ему найти выход из нелегкой ситуации. В 1428 г., заключив мир с давним соперником — Венецией, Сигизмунд укрепил свои позиции в Италии. Вскоре последовал еще более важный шаг — трехлетнее перемирие с турками. Почва для политического контрнаступления в Центральной Европе была подготовлена. Сигизмунд стремился разрушить союз между римским папой и Владиславом Ягелло и Витовтом Литовским, а также убедить гуситов в выгоде их участия в будущем церковном соборе. Соглашение между чешскими реформаторами и западнохристианской церковью принесло бы римскому и венгерскому королю славу великого государя и миротворца, открыло бы ему путь к императорской и чешской короне.

Увертюрой к встрече с гуситами стал съезд в Луцке в январе 1429 г., где Сигизмунд вел переговоры с польским королем и великим князем литовским. Здесь было сделано смелое заявление о том, что если папа не созовет Вселенский собор, то Сигизмунд сделает это своей властью. Далее король предпринял еще более отважный шаг. Несмотря на запрещение со стороны церкви вести прямые переговоры с гуситскими еретиками, послы Сигизмунда выступили с такой инициативой на чешском сейме [6, s. 153—162; 7, s. 227—252; 8].

Вот в такой ситуации 4 апреля 1429 г. гуситское посольство, насчитывавшее около 200 человек, въезжало в ворота Братиславы. Делегацию возглавлял вождь таборитов, крупнейший гуситский политик Прокоп Великий, которого сопровождали верховные гетманы полевых войск таборитов и сирот, ведущие представители Праги, гуситской Моравии и утраквистского панства. Сигизмунд Люксембургский лично принял послов, скорее всего на Братиславском Граде, окруженный блестящей свитой — Альбрехт Габсбург, баварский герцог, силезские князья, архиепископ эстергомский, кардинал Ян Железный, чешское католическое панство, профессора Сорбонны! Впервые на таком высоком уровне и как равноценные партнеры гуситы получили возможность изложить свою позицию. Они выступили в Братиславе единым фронтом и ясно дали понять, что осознают свою силу и согласятся на продолжение контактов лишь на основе прочных гарантий и четко определенных условий [9; 10; 11, s. 126—139].

С программной речью выступил магистр Петр Пэйн, по прозвищу Энглиш, английский виклифист, нашедший в Чехии свою вторую родину [12]. Лейтмотивом стала основополагающая идея гусизма об абсолютном суверенитете «закона Божьего». Король Сигизмунд стоит на стороне неправого дела и поэтому не имеет шансов на успех: «зря стараешься ты, король... когда вместе со своими неверными князьями хочешь погубить неуничтожимую и бессмертную правду, источником и защитником которой является Бог». Подчеркивая бесперспективность вооруженной борьбы против гуситской Чехии, магистр предлагает королю задуматься над тем, «сколько раз твои войска, пусть десятикратно сильнее числом и лучше вооруженные, уж были побиты, рассеяны и обращены в бегство, сколько раз разогнаны и разбиты наголову немногочисленными крестьянскими воинами к немалому твоему ущербу и позору». Петр Энглиш, не колеблясь, высказывает в лицо Сигизмунду неприкрытую угрозу: «Знай же, король смертный и неверный... что прежде чем ты вырвешь эту правду из наших

сердец, сам будешь вырван из своей телесной оболочки. Прежде чем лишишь нас славы, сам будешь пресмыкаться в убожестве; ранее, чем отнимешь честь Христову, лишишься жизни... а имя свое выставишь на вечный позор целому свету» [12, с. 63—70].

В речи посла при всей непримиримости гуситской позиции появляется совершенно новый момент, которого Сигизмунд не мог не заметить. Пэйн дает понять, что гуситы не исключают возможности признания Сигизмунда чешским королем при условии принятия им гуситской программы: «Измени свой образ мыслей, и это славное королевство будет твоим; измени свою волю, дай свободу правде, и твоя будет община пражская и чешский народ. Решись верно служить Господу и закону его, и мы готовы быть тебе верными и послушными. Это легко достижимо, если ты сочтешь возможным так поступить. Но если откажешься, то исполнится, безусловно, и на тебе, что истина побеждает над всем!» [12, с. 70].

В тот момент Сигизмунд не мог принять такого предложения, поскольку сразу утратил бы все шансы получить императорскую корону и вызвал бы раскол в церкви. Тем не менее встречу в Братиславе можно по праву считать днем исторического поворота, когда начался новый этап в отношениях католического и гуситского миров, который хотя и с колоссальными трудностями, но все же через семь лет привел к заключению мира между гуситской Чехией, императором и церковью. Обстоятельства братиславских переговоров позволяют говорить о необходимости нового решения проблемы международного значения гуситской революции, которое предполагает не столько выявление и интерпретацию фактов прямого идейного импорта или экспорта, сколько тщательный анализ широкого общеевропейского геополитического контекста, на который события в Чехии могли прямо или косвенно влиять и в определенной степени модифицировать его (Столетняя война, имперская политика, взаимоотношения Польши и Великого княжества Литовского, соперничество папства и соборного движения, нарастающая турецкая угроза) [13, с. 16—39; 14; 15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Рандин А. В. Церковь в теории и практике чешской реформации // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. М., 2008. С. 90—95.
2. *Střibra Jakoubek ze. Mistra Jakoubka ze Střibra. Vykład na Zjevení I.* Praha, 1932—1933. 606 s.
3. Porok české Koruny králi uherskému, že neřádně korunu přijal a v království České se násilím tiskne // Husitske skladby Budisinskeho rukopisu. Praha : Orbis, 1952. S. 32—40.
4. Žaloba Koruny české k Bohu na krále uherského a sbor Kostnický // Husitske skladby Budisinske horukopisu. Praha : Orbis, 1952. S. 23—31.
5. Рандин А. В. Гуситская революция и Пражский университет. Йошкар-Ола : Марий. гос. ун-т, 1994. 129 с.
6. *Kavka František.* Posledni Lucemburk na českém trůne. Praha : Mlada fronta, 1998. 296 s.
7. *Baum Wilhelm.* Císař Zikmund. Hus a války proti Turkům Praha : Mlada fronta, 1996. 408 s.
8. *Štefánik Martin.* Obchodná vojna kráľa Žigmunda proti Benátkam. Bratislava : SAV, 2004. 130 s.
9. *Bartoš František M.* Z bratislavské shuky krále Zikmunda s husitskými vodci r. 1429 // ČNM. 1925. S. 171—195.
10. *Macek Josef.* Die Versammlung von Pressburg 1429 // Folia diplomatica. 1971. № I. S. 189—207.
11. *Dvořák Pavel.* Druhá kniha o Bratislave. Budmerice : Rak, 2007. 232 s.
12. *Bartoš František M.* Petr Payne, diplomat husitské revoluce. Praha : Kalich, 1956. 72 s.
13. *Kučera Matúš.* Dejiny sa píšu pre jestvujúcu generáciu. Bratislava : Spolok slovenských spisovateľov, 2014. 240 s.
14. *Lysý Miroslav.* Husitské vpády do Uhorska v rokoch 1428—1431 // Historický časopis. 2007. № 3. S. 411—432;
15. *Lysý Miroslav.* Vpády husitov a ich posádky v Uhorsku v rokoch 1432—1435 // Historický časopis. 2007. № 4. S. 633—657.

Статья поступила в редакцию 27 сентября 2014 г.